

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 19–33.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 2 (119), pp. 19–33.

Научная статья

УДК 81.243

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-2>

EDN: AOLOZK

**Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов
(на примере романов А. Рэнд “We the Living”
и Р. Ноймана “Children of Vienna”)**

Анна Михайловна Витошнова

Университет науки и технологий МИСИС,

Москва, Россия

annafox@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2901-8736>

Аннотация. Данная статья освещает долгую историю транслингвизма как явления и его относительную новизну как концепции. В фокусе нашего внимания находятся произведения, написанные неанглоязычными авторами на английском языке: они составляют обширный пласт мирового литературного наследия. С опорой на методы, разработанные интерлингвокультурологией, настоящее исследование выявляет следы родной лингвокультуры, проступающие в англоязычных текстах, и рассматривает транслингвизм в новом аспекте – как инструмент создания уникального художественного произведения. На материале романов русско-американской писательницы А. Рэнд “We the Living” и немецко-английского писателя Р. Ноймана “Children of Vienna” данное исследование обнаруживает разницу, с которой родной лингвокультурный субстрат проступает в произведениях, написанных на чужом для обоих авторов языке. Выявлено, что в немецко-английском произведении родство языков, общность алфавита и «европейского психического склада» маскирует следы родной лингвокультуры, в то время как в русско-английском романе они проступают более отчетливо.

Ключевые слова: транслингвизм, транскультура, ксенонимы, английский язык, интерлингвокультурология

Для цитирования: Витошнова А. М. Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов (на примере романов А. Рэнд “We the Living” и Р. Ноймана “Children of Vienna”) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 19–33. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-2>

**The traces of native linguaculture in translingual writers' novels
(based on A. Rand's "We the Living" and R. Neumann's "Children of Vienna")**

Anna M. Vitoshnova

The National University of Science and Technology MISIS,
Moscow, Russia
annafox@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2901-8736>

Abstract. The present article demonstrates that translingualism as a phenomenon has had a long history, whereas as a concept it is relatively new. An extensive layer of world cultural heritage is presented by narratives that are created by non-English authors in the English language. The article reveals the traces of writers' native linguaculture, which emerges through English texts. Based on the methods of interlinguaculturology, our research considers translingualism in a relatively new aspect, as a powerful tool of creating fiction that is unique in itself. The analysis of two novels "We the Living" by Russian-American writer A. Rand and "Children of Vienna" by German-English writer R. Neumann, shows how traces of native linguistic and cultural substratum vary from one fiction to the other. It has been argued, that the kinship of English and German languages, together with shared alphabet and European mentality, disguises the traces of native linguaculture in "Children of Vienna", whereas in Russian-English narrative they can be distinguished quite clearly.

Keywords: translingualism, transculture, xenonyms, English, interlinguaculturology

For citation: Vitoshnova A. M. The traces of native linguaculture in translingual writers' novels (based on A. Rand's "We the Living" and R. Neumann's "Children of Vienna"). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 2 (119), pp. 19–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-2>

Введение

Взаимодействие языков, а вместе с ними и культур – явление, берущее свое начало еще в Античности. В свете этого не совсем верным кажется утверждение, что в наши дни (в связи с глобализацией) мы больше не можем говорить об изолированных культурах, строго разграниченных по национально-этническому признаку, что границы стираются и нивелируют специфические особенности этих культур. Если оглянуться назад, вглубь веков, то станет понятно, что изолированных культур (за редким исключением) никогда и не существовало: деление на «свое» и «чужое» – практически не обоснованно и глубоко консервативно в отрицательном смысле этого слова. Вряд ли когда-либо существовала «своя» чистая, неиспорченная чужеродным влиянием культура, так же как ни один язык не был никогда чистым, лишенным иноязычных примесей.

Таким образом, отношения между культурами, которые мы наблюдаем сейчас, не являются лишь результатом глобализации; транскультурность не есть следствие интенсивности связей между мировыми сообществами, хотя эта интенсивность в последние десятилетия достигла своего накала.

Автором термина принято считать кубинского культуролога Ф. Ортиса, который впервые добавил приставку «транс» к слову «культура» в 1940 г. По мнению Ортиса, слово «транскulturация» лучше выражало разные формы процесса перехода от одной культуры к другой. Позднее эту идею активно начал развивать

М. Н. Эпштейн, по словам которого транскультурность есть «динамика взаимодействия со своей начальной культурой и опыт вырастания из нее»¹.

Любая культура тесно связана с языком. По словам В. А. Масловой, язык и культура – это движение в одну сторону; и то и другое является сложной знаковой системой, что объясняет сложные отношения между ними: с одной стороны, культура влияет на язык, с другой – зависит от него². Согласно В. В. Воробьеву, приобщение людей к богатству культуры возможно лишь через язык: благодаря языку как системе графических единиц происходит национальное «членение» действительности на «сегменты»³. Под воздействием этой системы у человека формируется определенная картина мира. Б. Л. Уорф в статье «Лингвистика и логика» отмечал, что язык и культура взаимно влияют друг на друга, они развиваются практически синхронно⁴. Через структуру языка сознанием индивида и, шире, национальным сознанием интерпретируются различные культурные феномены. Посредством естественного языка происходит концептуальное осмысление культуры, так как он является из всех кодов наиболее разработанным: именно через него осмысливаются все остальные культурные коды⁵.

Представление М. Н. Эпштейна о том, что транскультура предполагает процесс преодоления зависимости от родной, «врожденной» культуры, видится несколько идеализированным. Язык формирует не только индивидуальное сознание, но также и национальное (и наоборот), а вместе с ним – национальную идентичность. Соответственно, переход языковой границы приравнивается к переходу национальной. Однако переход границ не обязательно означает осознанное стремление к отказу от первоначальной идентичности, особенно в случае, когда переход этот совершается уже сформировавшейся личностью, человеком взрослым. Родная лингвокультура представляет собой надежный субстрат (впрочем, не всегда осознаваемый), на который накладываются новые, приобретенные лингвокультуры. Если рассмотреть подобное явление в несколько иной перспективе, то мы увидим, что «внеаходимость» по отношению к культурам в то же время является ничем иным, как принадлежностью одного индивида многим культурам одновременно. Таким образом, преодоление зависимости от родной лингвокультуры можно считать неким идеальным состоянием, в реальности труднодостижимым, назвать которое благоприятным можно при этом весьма условно.

Полагаем, что транскультурной личностью можно назвать индивида, принадлежащего многим культурам и способного к такому мышлению, которое позволяет

¹ Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. С. 366.

² Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: монография. Москва: Гнозис. 2007. 320 с.

³ Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва: Российский университет дружбы народов, 2008. 336 с.

⁴ Уорф Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. Москва, 1960. С. 183–198.

⁵ Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

ему занять несколько позиций в разных культурах одновременно. Неразрывность связи языка и культуры дает основания рассматривать транскультуру как явление в виде неотъемлемой части феномена транслингвизма. Вполне закономерным представляется также знак равенства между понятиями «транскультурная языковая личность» и «транслингвальная личность», потому что овладение языком невозможно без принятия культуры, которую этот язык отражает и выражает.

Основная часть

Транскультура и транслингвизм

При овладении вторым (третьим и т. д.) языком человек усваивает также культуру, представителем которой выступает этот язык, впитывает бывшие «чужими» лингвокультурные ценности, постепенно присваивая их вместе с языком. По словам З. Г. Прошиной, транслингвальность есть переход от одной лингвокультуры к другой, результатом чего является их слияние (но лишь до определенной степени) при отсутствии полной ассимиляции и сохранении первоначальной лингвокультурной идентичности, а также создание нового, смешанного дискурса¹. Транслингвизм – это явление, проявляющее себя, безусловно, не только в письменном тексте. Текст в письменном виде, а именно в виде художественного произведения, успешнее всего поддается анализу: тщательно подобранное и впоследствии запечатленное, слово в художественном тексте никогда не является случайным, что дает возможность исследователям анализировать феномен в его чистом виде.

М. М. Бахтин писал: «Язык, как живая социально-идеологическая конкретность, как разноречивое мнение, лежит для индивидуального сознания на границах своего и чужого. Оно станет «своим», когда говорящий населит его своею интенцией, своим акцентом, приобщит его к своей смысловой и экспрессивной устремленности... И не все слова для всякого одинаково легко поддаются этому присвоению, этому захвату в собственность... Овладение языком, подчинение его своим интенциям – процесс трудоемкий и сложный»². Писатель «присваивает» язык, подстраивает его под свои нужды; результатом такого «присвоения» является текст как особая разновидность существования языка, отражающая лингвокультурные ценности автора. А. А. Залевская отмечает важную роль слова и текста в психических процессах: слово фиксирует результат взаимодействия индивида с окружающей его действительностью, в то время как текст является ключом к этому результату³.

Принимая во внимание слова Е. С. Кубряковой о том, что при репрезентации языковой личности концептуальный мир человека преломляется через языковые формы⁴, мы утверждаем, что при транслингвизме преломление происходит двукрат-

¹ Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm. Москва: Флинта, 2017. 208 с.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 267.

³ Залевская А. А. Психоллингвистические исследования. Слово. Москва: Гнозис, 2005. 542 с.

⁴ Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 141–173.

но. Тщательная фильтрация языковых средств отсеивает весь «лингвистический мусор», оставляя лишь плотный суперстрат второго (третьего и т. д.) языка; такая фильтрация возможна лишь в письменной форме.

Анализируя произведения транслингвальных авторов, можно увидеть, как элементы языковых систем взаимодействуют настолько тесно, что неизбежно влекут за собой взаимодействие когнитивных картин мира; это состояние рождает новый дискурс, при анализе которого должны быть применены совершенно новые методы.

Литературные произведения, тексты, по словам А. В. Масловой, являются подлинными хранителями культуры. Соответственно, рассматривать каждый текст следует в системе культуры, которой он принадлежит¹. Здесь становится очевидным то, что методологические установки, применяемые в лингвокультурном подходе, не годятся для подхода транскультурного, так как транслингвальный текст к одной определенной культуре отнести практически невозможно.

Транслингвальная литература

Основная масса отечественных исследователей, занимающихся данной проблематикой, «пришла» в транскультурность и транслингвизм из постколониальных исследований. Безусловно, постколониальная литература являет собой ярчайший образец транслингвизма; ее можно также назвать контактной, гибридной литературой, потому что в ней (в большинстве случаев) смешиваются и взаимодействуют Восток и Запад. При этом этническая и лингвокультурная принадлежность авторов является неотъемлемой частью таких текстов и выражается в них буквально. Об этом в своей монографии обстоятельно рассуждает С. Г. Келлман, которого по праву считают основоположником концепции транслингвизма². Бесспорно, исследование постколониальной литературы, так же как произведений авторов-представителей диаспор, не относящихся к бывшим колониям, представляет собой плодотворный материал. На ярком контрасте языков и культур сразу проявляются отличительные черты когнитивных, языковых картин мира, лингвокультурных особенностей. Исследования творчества представителей диаспор не могут не затрагивать также политических аспектов, острых социальных вопросов. Многие вещи лежат на поверхности, остаются их только категоризировать, упорядочить и терминологически обработать.

Специфика постколониальной литературы, ее экзотичность представляет собой востребованный коммерческий продукт, о чем в своем исследовании прозы мигрантов пишет Р. Бромли³. Этническая идентичность, «вырванная с корнями, трансплантированная в чужую культуру», во многих случаях успешно продается. Произведения ряда писателей-транслингвов, многие из которых являются представителями постколониальной волны, отмечены самыми престижными литературными наградами мира. Так, среди лауреатов и полуфиналистов Букеровской премии встречаем

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

² Kellman S. G. Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft. The University of Nebraska Press: Lincoln and London, 2003. 339 p.

³ Bromley R. Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 182 p.

следующие имена: Кадзуо Исигуро (британец японского происхождения), Я. Мартел (канадец испанского происхождения), А. Адига (индийско-австралийский писатель), К. Хьюм (народ маори, Новая Зеландия), Б. Окри (Нигерия) и др. Некоторые писатели данной категории были удостоены также Нобелевской премии: В. Шойинка (Нигерия), Д. Э. Уолкотт (Тринидад), Н. Гордимер (Южная Африка), В. С. Найпол (гражданин Великобритании индийского происхождения), Дж. М. Кутзее (Южная Африка).

Чем дальше родной язык (а с ним и родная культура) писателя отстоит от приобретенного, тем экзотичнее и ярче получается художественное произведение. Подобную литературу называют также контактной, гибридной: она создается на стыке языков и культур, при этом контуры различных лингвокультурологических реалий определяются весьма отчетливо.

Существуют также и другие категории транслингвальных писателей, чья родная культура и язык не образуют настолько яркого контраста с языком, на котором они создают свои произведения. Контуры различных реалий, которые должны бы стилизоваться в тексте (просто потому что они – различны), не проступают столь ярко. При этом их может быть не меньше, чем в контактной литературе; все дело в том, что они не лежат на поверхности.

По словам Ш. Балли, имеется некий общий психический склад, «который создан Грецией и Римом, созрел в лоне западноевропейской цивилизации и распространился на все те страны, которые европейцы подчинили своему духовному влиянию». Ш. Балли называет эту общность «европейским психическим складом»¹. Безусловно, при всей специфичности каждой из национальных культур европейских народов, подвергать упомянутую французским исследователем общность совершенно не разумно; особенно ярко эта общность проявляет себя в сопоставлении с культурами Востока – это два противоположных полюса, хотя и одного мира. В отношениях к своей семье, времени, культурным ценностям и традициям эти два полюса также практически диаметрально противоположны; этому посвящена масса исследований, об этом, например, обстоятельно рассуждает С. Г. Тер-Минасова².

Разумеется, в свете упомянутой общности европейского психического склада, контуры различных лингвокультур в произведении, например, немецко-английского автора проступают не так явственно. Так, изначальная, родная для такого автора лингвокультура при первом приближении может ничем себя не обнаруживать, однако подобное впечатление обманчиво. С. Г. Келлман сравнивает произведение автора-транслингва с палимпсестом: следы родного языка непременно обнаруживаются под слоем второго, приобретенного³.

¹ Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.

² Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации. Москва: АСТ, 2007. 286 с.

³ Kellman S. G. Does Literary Translingualism Matter? Reflections on the Translingual and Isolingual Text // Dibur Literary journal. 2019. Vol. 7. P. 109–117.

Представляется интересным проанализировать и сопоставить произведения с указанными парами языков и выявить степень, с которой родной язык «просвечивает» сквозь ткань англоязычного текста.

Интерлингвокультурология и методы исследования

Методология, применяемая в данном исследовании, основывается на положениях и принципах интерлингвокультурологии. Репрезентация русского и немецкого лингвокультурных пространств посредством английского языка представляет собой авторский продукт, имеющий признанную художественную ценность. При этом английский язык, представляющий, соответственно, английскую лингвокультуру, не всегда обнаруживает достаточно средств для номинации иноязычных культурных понятий. В этом случае мы говорим о явлении межъязыковой асимметрии, изучение которой представляет сегодня большой научный интерес в связи с возложенной на английский язык функцией репрезентации «внешних» для него культур. Направлением лингвистики, которая изучает язык в его вторичной культурной ориентации, т. е. язык, описывающий «чужую» для него культуру, является интерлингвокультурология.

В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазова, положившие начало данной дисциплине, вводят, помимо прочих, понятия первичной и вторичной культурной ориентации языка¹. При первичной ориентации он направлен «внутрь», на реалии родной для английского языка лингвокультуры, при вторичной – язык обращен в область внешних культур. Иноязычное описание культуры сталкивается с рядом трудностей, а именно – с необходимостью выравнивания межъязыковой асимметрии, неизбежно возникающей в ходе межкультурного диалога. В терминологическую базу интерлингвокультурологии введены, соответственно, необходимые термины, из которых интерес для данного исследования представляют ксенонимы – культуронимы иноязычной культуры, т. е. безэквивалентные наименования, закрепленные за сугубо специфическими элементами внешних культур. В основе методологии данной дисциплины лежит концепция внутреннего перевода, т. е. такая разновидность переводческой деятельности, в ходе которой человек создает оригинальный текст описания иноязычной культуры, осуществляя сам в соответствии с возникающими при этом языковыми проблемами необходимые «переводческие» преобразования текста².

Поэтика немецко-английского романа: “Children of Vienna”

Л. А. Карауц-Бородина выделяет несколько причин распространения транслингвизма, среди которых вынужденная эмиграция по политическим, экономиче-

¹ Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2012. 252 с.

² Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2012. 252 с.

ским и другим соображениям и форма протеста¹. Безусловно, абсолютное большинство транслингвов – эмигранты, внушительную часть которых составляют выходцы из бывших колоний. Лишь одна категория эмигрантов уже более полувека ускользает от внимания исследователей – немецкие и австрийские писатели-транслингвы, бежавшие из нацистской Германии и оккупированных стран в период 1933–1945 гг.

Первый англоязычный роман австрийского писателя Р. Ноймана, бежавшего из Австрии в Англию, "Children of Vienna", был написан в 1945 г. – почти через десять лет после бегства с родины.

Воплощению авторского замысла – привлечь внимание людей по всему миру к ужасам войны – в значительной степени способствовал гиперреализм произведения, эффект которого достигается при помощи специфического выбора языковых средств, включения уличной, разговорной речи, игнорирования правил синтаксиса, переключения языковых кодов; и тут же – конкретный период времени и точность географических номинаций. Все это производило впечатление репортажа, документального отчета о послевоенном времени.

От начала и до конца автор намеренно неточен при описании временных промежутков, предметов, явлений, имен, возрастов. При описании географических номинаций, однако, автор совершенно конкретен. Опираясь на концепцию транслингвизма, мы можем предположить, что единственное, в чем уверен автор, – это в реалиях описываемой им культуры. Эти реалии не преломляются иноязыковыми призмами, и на них не влияет иноязычность номинаций².

Для внутреннего перевода характерно ощущение негладкости, некогерентности текста³. Это обуславливается тем, что в сознании автора и, соответственно, в одном тексте взаимодействуют два языка и две культуры; неизбежно появление межъязыковой асимметрии, которую автор «выравнивает» при помощи ксенонимов. Р. Нойман вводит в повествование неассимилированные германизмы (так называемый прием трансплантации). При этом германизмы, замещающие имеющиеся в английском языке лексемы, мы расцениваем как ничем не «завуалированное» взаимодействие языков. Думается, что соответствующие номинации, закрепленные в родной лингвокультуре, просто представляются автору наиболее удачными (будучи, соответственно, более привычными).

"A *Kamerad* saw him bail out and killed him"⁴.

"...tidy as a German *hausfrau*'s kitchen"⁵.

¹ Каракуц-Бородин Л. А. Транслингвальная языковая личность Владимира Набокова как эстетический и лингвистический феномен: монография. Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2009. 103 с.

² Витошнова А. М. Неоткрытые тексты литературы изгнания: транслингвизм и внутренний перевод на материале романа Роберта Ноймана "Children of Vienna" // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. № 1 (77). С. 92–100.

³ Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2012. 252 с.

⁴ Neumann R. Children of Vienna: a novel. New York: E. P. Dutton, 1947. С. 110.

⁵ Там же. С. 40.

Наиболее примечательные «маркеры» родной лингвокультуры, которая залегает плотным субстратом под поверхностью англоязычного текста, однако, ксенонимами не исчерпываются.

Культурно-традиционная компетенция представителей определенного этноса отражена в его языке; прецедентные феномены, т. е. явления, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества¹ и носящие, таким образом, сверхличностный характер, вплетены в ткань транслингвального текста. Показателен в этом плане следующий пример:

“Ate said: “I know a poem. *Über allen Gipfeln ist Ruh / in allen Wipfeln spürest du / die reihen fest geschlossen / S. A. marschirt mit stolztem festem Tritt / die toten Brüder die Rotfront und Reaktion / in unsern Reihen mit*”².

Первая часть «стихотворения» – знаменитое произведение Гете «Над горной высью» (“*Über allen Gipfeln*”), вторая – «Хорст Вессель», гимн нацистской партии. Комбинируя эти две несопоставимые вещи, Р. Нойман предлагает мощную метафору, которая может остаться неоцененной читателем, не знакомым с культурой Германии и особенностями нацистского режима.

По словам В. Изера, общий «репертуар текста... может иметь форму ссылок на социальные и исторические нормы, или же на всю культуру, породившую текст»³. Джулия Хансен отмечает, что до сих пор не уделялось достаточного внимания вопросу о том, как языковой контекст читателей влияет на их восприятие транслингвальных текстов⁴. В общем и целом, неразгаданные метафоры не затрудняют восприятия текста, хотя и обесцвечивают его сильные художественные штрихи.

Немецкие идиомы “*gesund als Fisch im Wasser sein*” («здоров как бык»), “*auf Herz und Nieren*” (тщательно, как следует) в результате внутреннего перевода «превращаются» в “*healthy as a fish*” и “*by heart and kidneys*” соответственно, хотя англоязычными словарями подобные идиомы не фиксируются. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с элементами фразеологического фонда, прочно вплетенного в национально-когнитивную базу немецкоязычного писателя.

Таким образом, подтверждается гипотеза о сохранении лингвокультурной идентичности автора, когда он перемешивает две культуры, два языка, создает транслингвальный текст, а вместе с ним новый дискурс.

“We the living”: о советских реалиях на английском языке

Мы уже говорили о том, что первенство по числу эмигрантов принадлежит народам бывших колоний; однако политических беженцев всегда хватало и в странах Европы. В России также есть своя неутешительная статистика. Изгнание, эмиграция,

¹ Красных В. В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис, 2003. 374 с.

² Neumann R. *Children of Vienna: a novel*. New York: E. P. Dutton, 1947. P. 95.

³ Iser W. *The act of reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 113.

⁴ Хансен Д. Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 58–69.

бегство – все это в ряде случаев служило и служит мощным стимулом к творчеству и нередко – к переходу на другой язык.

А. Рэнд (Алиса Розенбаум) эмигрировала в США в 1926 г., где через 10 лет выходит в свет ее англоязычный роман "We the Living", описывающий жизнь в после-революционном Петрограде и обличающий идеологию коммунизма. Всю жизнь презиравшая Россию и всячески открещаясь от какой-либо к ней принадлежности, А. Рэнд использовала в романе весь арсенал доступных ей языковых средств, чтобы выразить свою позицию. Вместе с тем, по мысли некоторых исследователей, русские корни писательницы ярко проявляются в самой оппозиции «живое / мертвое», которая является ключевой для всего произведения и происходит, очевидно, из гоголевской школы¹.

Лексема "red" как символ пролетариата и ненавистной автору революции повторяется на протяжении романа более трехсот раз, как в выражениях-кальках типа "red army", "red flag", так и в других словосочетаниях типа "muscles red as beefsteaks", "red eyelids" и т. д. Однако, передавая прямую речь, звучащую на улицах города, автор прибегает к приему транслитерации: "Pravda! Krasnaya gazeta! Latest news, citizens!"² Транслитерация используется для передачи заимствований и способствует воссозданию в повествовании необходимой атмосферы. Транслитерация является приемом перевода – как традиционного, так и внутреннего, но перевод внутренний, в отличие от традиционного, погружен в культурологическую сферу. Эта сфера, по мнению отечественных исследований, особенно богата безэквивалентными явлениями, не имеющими готовых средств выражения в языке описания³. Обилие номинаций, не имеющих готовых средств выражения в английском языке, является причиной появления в тексте достаточно большого числа транслитерированных слов: *Komsomol, Rabfac, Gilotdel, Selskosoyuz, Upravdom, Gossizdat, Primus* и т. д.

Ксенонимами могут считаться, на наш взгляд, не только отдельные лексемы: так, ласковое обращение *soul of mine* свойственно в основном русской культуре. Встречающееся в англоязычном тексте, оно, таким образом, звучит достаточно экзотично и усиливает эффект форенизации. Этот эффект достигает, на наш взгляд, своего размаха при введении в текст прецедентных феноменов, т. е. материальных или духовных объектов, запечатлевшихся в сознании людей одной нации и раскрывающих специфику этноса, а вместе с ним и языка. Подобные объекты составляют прагматикон русского человека, являются прочной основой его национально-когнитивной базы. Таким образом, именно вплетение в ткань текста этих объектов обнаруживает русское происхождение автора:

¹ Григоровская А. В. Первый американский роман о советской России: «живое» и «мертвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые» // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 144–150.

² Rand A. *We the Living*. New York: A Signet Book. 2011. P. 19.

³ Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В., Иванова Е. Ю. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). С. 41–55.

*"...Hey, little apple, where are you rolling?
No one knew what the little apple was; but everyone understood"*¹.

Для русского человека, как носителя кода своей культуры, извлечение из этой ба-
зы смыслов подчас происходит на бессознательном уровне. Слова "but everyone
understood" красноречиво определяют нечто невыразимое, что переживается каждым
русским человеком ввиду изначальной принадлежности к одной, своей социоэтни-
ческой общности.

Транскультурные произведения в сопоставительном аспекте

Автор-транслингв приступает к внутреннему переводу сразу же, как только (на
психическом уровне) начинается процесс адаптации выразительных средств англий-
ского языка для описания внешней культуры. Анализ немецко-английского и рус-
ско-американского романов показывает, что транслингвизм тесно связан с внутрен-
ним переводом, в ходе которого автор периодически обращается к ксенонимам. Чем
дальше отстоит английская лингвокультура от внешней – той самой, на которую
направлены выразительные средства английского языка, тем больше ксенонимов
может потребоваться, чтобы воссоздать ее уникальность. По словам Е. В. Белоглазо-
вой, транслингвальная литература обнажает «культурную пропасть», что достига-
ется за счет гибридизации языка, неоднозначный кодовый рисунок которого воплоща-
ет в себе трудность постижения внешней культуры².

В паре русско-английской лингвокультурная «пропасть» между языками доволь-
но глубока, в отличие от пары немецко-английской, что обусловлено упомянутым
ранее общим европейским психическим складом. Это объясняет ряд различий в про-
анализированных произведениях.

Ксенонимы, призванные выровнять межъязыковую асимметрию, в произведении
А. Рэнд встречаются на порядок чаще. Русско-американское произведение выглядит
более «экзотичным» ввиду большей экзотичности для англоязычного читателя са-
мой русской культуры – в отличие от немецкой. Нельзя не признать также, что общ-
ность латинского алфавита даже чисто внешне «сглаживает» межъязыковые неров-
ности в немецко-английском тексте: чтобы выделить нужные ксенонимы, Р. Нойман
акцентирует их графически при помощи курсива или прописной буквы. В романе
А. Рэнд ксенонимы графически не выделяются: вырванные из своей лингвокультуры
и транслитерированные, они и без дополнительного маркирования «торчат над стро-
кой»³.

¹ Rand A. We the Living. New York: A Signet Book. 2011. P. 13.

² Белоглазова Е. В. Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в
литературе и политике // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022.
№ 1 (73). С. 112–119.

³ Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В., Иванова Е. Ю. Если ксенонимы появляются – значит,
это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов // Вестник Московского госу-
дарственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817).
С. 41–55.

Английский и немецкий языки относятся, как известно, к западногерманской подгруппе германской ветви языков. Близкое генетическое родство обуславливает малочисленность приемов внутреннего перевода в тексте "Children of Vienna", в то время как в романе "We the Living" их, как и ксенонимов, встречается больше.

Полагаем, что следы родной лингвокультуры обнаруживаются в любой паре языков, независимо от степени их генетического родства. Единственным условием является возраст автора, так как национально-когнитивная база формируется все-таки к определенному возрасту. Как пишет С. Г. Воркачев, «сознание и ощущение национально-этнического единства... способно сохраняться даже в условиях утраты и территории, и государственности, и культуры, и языка»¹. Исходная лингвокультура, входя в общее, более широкое понятие национальной культуры, таким образом, является субстратом для всего последующего иноязычного опыта, освоения иных культурных реалий.

Выводы

Нами доказано наличие русского и немецкого инолингвокультурного субстрата в англоязычных текстах: на его наличие не влияет степень родства языков. Текст выходит за рамки собственно языкового кода, представляя собой, по словам В. Изера, внешнюю систему координат, которая включает в себя отсылки к культурным, историческим, социальным реалиям. Мы увидели, что в обоих текстах авторы отсылают читателя к своим родным (русской и немецкой) национально-культурным реалиям: этническая идентификация А. Рэнд и Р. Ноймана остается неопределенной, размытой, и сами произведения получают те же черты – неуловимости, пограничности. Транслингвальная литература, как представляется, занимает нишу в некоем надкультурном творческом пространстве, где произведения характеризуются невозможностью однозначного отнесения к какой-либо культуре. Этим объясняется тот факт, что проанализированные романы практически неизвестны на родине их авторов. Лишь недавно, в связи с глобализацией и повышением внимания к межкультурным явлениям во всех областях, исследователи начали проявлять интерес к подобной литературе: это потребовало разработки новых методов при ее анализе. Разумный уход от узкоспециализированных подходов и консервативных взглядов на явление транслингвальной литературы дает нам богатейший материал для лингвистических и гуманитарных исследований в целом.

Список источников

Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

¹ Воркачев С. Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в лингвокультуре. Москва: Инфра-М, 2013. 151 с.

Белоглазова Е. В. Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. № 1 (73). С. 112–119.

Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В., Иванова Е. Ю. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). С. 41–55.

Витошнова А. М. Неоткрытые тексты литературы изгнания: транслингвизм и внутренний перевод на материале романа Роберта Ноймана “Children of Vienna” // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. № 1 (77). С. 92–100.

Воркачев С. Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в лингвокультуре. Москва: Инфра-М, 2013. 151 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва: Российский институт дружбы народов, 2008. 336 с.

Григорьевская А. В. Первый американский роман о советской России: «живое» и «мертвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые» // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 144–150.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Москва: Гнозис, 2005. 542 с.

Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2012. 252 с.

Каракуц-Бородина Л. А. Транслингвальная языковая личность Владимира Набокова как эстетический и лингвистический феномен. Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2009. 103 с.

Красных В. В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис, 2003. 374 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 141–173.

Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: монография. Москва: Гнозис, 2007. 320 с.

Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm. Москва: Флинта, 2017. 208 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: Вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. Москва: АСТ, 2007. 286 с.

Уорф Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. Москва, 1960. С. 183–198.

Хансен Д. Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 62–73.

Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 611 с.

Bromley R. Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 182 p.

Iser W. The act of reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

Kellman S. G. Does Literary Translingualism Matter? Reflections on the Translingual and Iso-lingual Text // Dibur Literary journal. 2019. Vol. 7. P. 109–117.

Kellman S. G. Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft. The University of Nebraska Press: Lincoln and London, 2003. 339 p.

Neumann R. *Children of Vienna: a novel*. New York: E. P. Dutton, 1947. 227 p.

Rand A. *We the Living*. New York: A Signet Book, 2011. 528 p.

References

Balli Sh. *Frantsuzskaia stilistika* [French Stylistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1961. 394 p.

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo, 1986. 445 p.

Beloglazova E. V. Iazyk kak lichnyi vybor: o mul'tilingval'noi iazykovoi lichnosti v literature i politike [Choosing one's language: on multilingual identity in literature and politics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], 2022, no. 1 (73), pp. 112–119.

Beloglazova E. V., Kabakchi V. V., Ivanova E. Iu. Esli ksenonimy poiavliaiutsia – znachit, eto komu-nibud' nuzhno: stilisticheskie funktsii ksenonimov [Xenonyms for rhyme or reason or stylistic functions of xenonyms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2019, no. 1 (817), pp. 41–55.

Vitosnova A. M. Neotkrytye teksty literatury izgnaniia: translingvizm i vnutrennii perevod na materiale romana Roberta Noimana “Children of Vienna” [Undiscovered texts of exile literature (translingualism and internal translation based on the novel “Children of Vienna” by Robert Neumann)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], 2023, no. 1 (77), pp. 92–100.

Vorkachev S. G. *Strana svoia i chuzhaia. Ideia patriotizma v lingvokul'ture* [The country is one's own and another's. The idea of patriotism in linguoculture]. Moscow: Infra-M, 2013. 151 p.

Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]. Moscow: Rossiiskii institut druzhby narodov, 2008. 336 p.

Grigorovskaia A. V. Pervyi amerikanskii roman o sovetской Rossii: “zhivoe” i “mertvoe” v romane Ain Rend “My zhivye” [The first American novel about Soviet Russia: “The Living” and “The Dead” in Ayn Rand's novel “We the Living”]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics], 2016, no. 1 (55), pp. 144–150.

Zalevskaia A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniia. Slovo* [Psycholinguistic research. Word]. Moscow: Gnozis, 2005. 542 p.

Kabakchi V. V., Beloglazova E. V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiiu* [Introduction to interlingvaculturology]. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov, 2012. 252 p.

Karakuts-Borodina L. A. *Translingval'naia iazykovaia lichnost' Vladimira Nabokova kak esteticheskie i lingvisticheskie fenomen* [Translingual linguistic personality of Vladimir Nabokov as an aesthetic and linguistic phenomenon]. Ufa: Vostochnaia ekonomiko-iuridicheskaiia gumanitarnaia akademiia, 2009. 103 p.

Krasnykh V. V. “Svoi” sredi “Chuzhikh”: mif ili real'nost'? [“Friend among strangers”: myth or reality?]. Moscow: Gnozis, 2003. 374 p.

Kubriakova E. S. Rol' slovoobrazovaniia v formirovanii iazykovoi kartiny mira [The role of word formation in the development of the linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: iazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: language and the picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 141–173.

Maslova V. A. *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]. Moscow: Izdatel'skii tsentr “Akademiia”, 2001. 208 p.

Maslova V. A. *Homo lingualis v kul'ture* [Homo lingualis in culture]. Moscow: Gnozis, 2007. 320 p.

Proshina Z. G. *Kontaktnaia variantologiya angliiskogo iazyka. Problemy teorii. World Englishes Paradigm* [Contact variantology of the English language. Problems of theory. World Englishes Paradigm]. Moscow: Flinta, 2017. 208 p.

Ter-Minasova S. G. *Voina i mir iazykov i kul'tur: Voprosy teorii i praktiki mezh"iazykovoi i mezhkul'turnoi kommunikatsii* [War and the World of Languages and Cultures: Issues of theory and practice of interlingual and intercultural communication]. Moscow: AST, 2007. 286 p.

Uorf B. L. *Lingvistika i logika* [Linguistics and logic]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, vol. 1, pp. 183–198.

Khansen D. *Kak ponimat' trans"iazykovoi tekst: russkie imena, kul'turnye alliuzii i igra slov v romane “Zhizn' Sukhanova v snovideniiakh” Ol'gi Grushinoi* [Making sense of the translingual text: Russian wordplay, names, and cultural allusions in Olga Grushin's “The Dream Life of Sukhanov”]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], 2016, no. 2 (50), pp. 62–73.

Epshtein M. N. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 611 p.

Bromley R. *Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 182 p.

Iser W. *The act of reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

Kellman S. G. Does Literary Translingualism Matter? Reflections on the Translingual and Iso-lingual Text. *Dibur Literary journal*, 2019, vol. 7, pp. 109–117.

Kellman S. G. *Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft*. The University of Nebraska Press: Lincoln and London, 2003. 339 p.

Neumann R. *Children of Vienna: a novel*. New York: E. P. Dutton, 1947. 227 p.

Rand A. *We the Living*. New York: A Signet Book, 2011. 528 p.

Сведения об авторе

Анна Михайловна Витошнова – старший преподаватель; <https://orcid.org/0009-0001-2901-8736>, annafox@inbox.ru, Университет науки и технологий МИСИС (д. 4, Ленинский пр-т, стр. 1, 119049 Москва, Россия); **Anna M. Vitoshnova** – Senior Lecturer; <https://orcid.org/0009-0001-2901-8736>, annafox@inbox.ru, The National University of Science and Technology MISIS (4, str. 1, Leninskii pr., 119049 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 25.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 25.11.2023; Approved after reviewing 08.12.2023; Accepted for publication 25.12.2023.